

АЛЛЕГРА ГУДМАН

ИЗОЛА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Allegra Goodman
ISOLA
Copyright © Allegra Goodman, 2025
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Jenny Meyer Literary Agency, Inc. за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Александры Самариной
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Гудман А.

Г93 Изола : роман / Аллегра Гудман; пер. с англ. А. Самариной. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 512 с. — (Терра инкогнита).

ISBN 978-5-389-29144-7

Маленькая Маргарита не помнит родителей, умерших в ее раннем детстве, но знает, что принадлежит к славному аристократическому роду де ля Рок. Дерзкая и непокорная, она часто расстраивает свою добрейшую пожилую няню Дамьен, которая изо всех сил пытается привить воспитаннице достойные манеры. Обе еще не знают, что впереди их ждут страшные испытания по злой воле могущественного опекуна девочки Жана-Франсуа де Роберваля, который, завладев богатым наследством юной кузины, попытается подавить и ее волю.

История выживания Маргариты де ля Рок тем удивительнее, что основана она на реальных фактах, изложенных в трактатах времен Великих географических открытий. Сюжет, пугающий и поражающий воображение, украшают роскошный исторический антураж и тонкая стилизация, которые превращают повествование в изысканное гобеленовое полотно.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. И. Самарина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-29144-7

PARTE INCOGNITA

TANA TERRA DE LABORADOR

ISOLA DE DE MONTI

TERRA NVOVA

LEVANTE

Bacalaos

Isola de Bretoni

Isola della Rena

Vado in la terra nuova

RO

Пролог

Мне до сих пор снятся птицы. Они кружат над бушующим морем, камнем падают к самой воде, а потом взмывают к солнцу. Я зову их, но тщетно. Под моими босыми ногами — каменистый остров, а вокруг никого.

Всматриваюсь и вижу, что мимо плывут три больших корабля — так близко, что можно докричаться.

Заряжаю ружье и стреляю в воздух.

Со всех ног бегу к самой кромке воды. Кажется, будто до корабельных вымпелов уже можно рукой дотянуться.

Я в кровь обдираю ноги о камни, а колючие ветви цепляются за рукава и царапают кожу. «Стойте! Подождите! Спасите меня!» — кричу я что есть духу.

Капитан корабля, одетый во все черное, слышит меня и стреляет в ответ. Он смотрит на меня с палубы и расплывается в улыбке.

Я стреляю еще раз, и десять тысяч птиц с криками взлетают в небо. Они хлопают крыльями, но этот звук тонет в вое ветра. Меня заметил уже весь экипаж, и все-таки капитан отдает приказ плыть дальше.

Я тянусь к кораблям, хоть и не в силах их остановить. Захожу в воду и пытаюсь догнать моряков.

Путаюсь в намокшем платье, тяжелые юбки тянут меня ко дну. Хочется кричать, я открываю рот, но вода мгновенно заполняет горло. Я не могу ни взлететь, ни уплыть отсюда. Мне ни за что не сбежать с этого острова.

Часть первая

ПЕРИГОР

1531–1539

Превыше всего — удерживаться от греха, со всей верой и тщанием, и все силы свои приложить к тому, чтобы не сотворить, не сказать и не помыслить того, что разгневает Господа. Не позволяй соблазнам мирским, плотским и дьявольским взять над тобою верх. Помни, что говорил святой Августин: человек своего смертного часа не ведает. Эта мысль поможет тебе хранить добродетель и беречь себя от греха. Помни: однажды ты умрешь, а тело твое, обглоданное червями, сгниет в земле, и только душа, оставшись одна-одинешенька, будет держать ответ.

*Анна Французская.
Уроки для моей дочери.
Глава II (ок. 1517 года)*

Глава 1

Своей матери я не знала. Она умерла в ночь, когда я родилась; вот как вышло, что мы разминулись во тьме. Она оставила мне свое имя — Маргарита — и кольцо с рубином, но обделила воспоминаниями. Отца у меня тоже, считай, не было. Когда мне исполнилось три года, его убили в Павии, где он защищал французского короля. Тогда-то я и стала разом и богатой, и бедной, хоть еще не понимала этого. В наследство мне перешел замок в Перигоре, а в придачу — несколько деревень, виноградников и полей, залитых солнцем. Но родственников у меня не осталось — ни родителей, ни тетя, ни дядя, ни братьев, ни сестер. Меня толпой окружали слуги, но я страдала от одиночества.

Моя няня Дамьен стала и моей первой учительницей. Лет ей уже было за сорок, и к этому почтительному возрасту волосы, некогда огненно-рыжие, потускнели, точно кирпич на солнце. Глаза смотрели пронзительно и строго, но в них читалась и усталость, а вокруг рта залегли тоненькие складки, точно на льне, который забыли разгладить. У няни был большой мягкий живот и пышная грудь, напоминавшая две большие подушки. Когда мы ложились спать, она прижимала меня к своему тучному телу — крепко-крепко, как родную. Назвать меня своей Дамьен не могла, хотя сама принадлежала мне по праву: она прислуживала моей семье с самого детства.

Няня рассказывала, что мой отец был благороден не только происхождением, но и душой. На поле боя сперва погибла его лошадь, но даже тогда он не сдался, а продолжил разить неприятелей мечом и пикой, пока вражеская стрела не вонзилась ему в шею. Он упал. Тут боевые товарищи отломили хвост у стрелы и унесли раненого в палатку. Пришел хирург, чтобы вырезать острие, но и во время операции отец требовал вернуть его в жерло битвы. «Отнесите меня обратно», — шептал он, а кровь (рубиновая, как мне представлялось) текла и текла ручьями из раны на шее.

А про мать говорили, что она была писаной красавицей. Глаза у нее были зеленые-зеленые, куда зеленее моих. А волосы — золотистые, как озимая пшеница, мои же напоминали цветом тусклый янтарь. Руки у матери были тонкие, изящные, с длинными ловкими пальцами. Она играла на лютне чисто, без единой фальшивой ноты, но по своей скромности услаждала музыкой только дам, живших при ее дворе. В детстве она была послушной и благочестивой, а вот со мной няне пришлось помучиться.

Дамьен, суетливая и беспокойная, отличалась добротой. Она прощала все мои шалости и лишь изредка выходила из себя, когда на то имелся по-настоящему веский повод. В тот день, когда впервые приехал мой опекун, она неожиданно резко меня осадил.

— Нет-нет, ты не готова! Это не обувь, а какой-то позор! — всплеснув руками, воскликнула Дамьен, когда гонец вызвал меня на первый этаж.

— Что ж тут позорного? — спросила я, пока она поправляла мне рукава, расшитые серебристыми нитями.

Потом няня грубо усадила меня на стул, и я тут же обиженно сгорбилась.

— А ну выпрямись! — мигом потребовала Дамьен. — Нельзя, чтобы спина касалась стула.

— Почему это? Что будет, если коснется?

— Никаких вопросов.

— Почему?

— Боже милосердный!

Моя няня не умела читать, но зато научила меня молиться: Господу нашему, Деве Марии, нашей Всеблагой Матери. Сперва, произнося нараспев эти слова, я представляла своих родителей, но Дамьен загубила в зародыше детскую ересь, разъяснив, что молиться нужно не им, а Небесному Отцу и Матери, властителям земного мира и райских кущ. Тогда-то я и поняла, что принадлежу Господу и Богоматери, а они мне — нет. С наследством дела обстояли схожим образом. Я не могла править землями, которые перешли мне по наследству: за меня хозяйством распорядился опекун. Я знала, что так будет до самой моей свадьбы. Жениха мне уже нашли, оставалось только дожить до пятнадцатилетия, чтобы сочетаться с ним законным браком.

А если не доживу, думала я, то отправлюсь прямо в рай. Душа моя воспарит над самыми высокими башнями! И я уже не буду страдать ни от голода, ни от холода, только наслаждаться пением ангелов. Такие представления о загробной жизни мне прививали, а у меня напрашивался вопрос: почему бы тогда не умереть прямо сейчас, чтобы попасть в рай поскорее? Когда я задала этот вопрос Дамьен, та меня пристыдила. «Не гневи Господа, — сказала она, — только вздорные, озорные дети задают такие вопросы. Ты вон еще рукодельничать толком не научилась, а по волосам вошки ползают! Не рановато ли в рай?» Дамьен всегда зорко высматрива-

ла у меня вшей; она и по сей день их находит, хотя вид у меня уже вполне благопристойный.

— Какой ужас! — приговаривала она, снимая у меня с головы личинки, точно крошечный репей. У моей матери вшей наверняка ни разу не было, что и неудивительно, она ведь была ангелом во плоти. Я даже представляла, что у нее в волосах прятались не личинки насекомых, а малюсенькие ангелочки.

Я и впрямь была вздорной озорницей, как и сказала Дамьен. Подолы моих платьев быстро истрепывались и бахромилась, потому что я часто взбиралась по крутым ступенькам наших сторожевых башен, чтобы полюбоваться видом. Эти самые башни — грозные, древние, испещренные бойницами — возвышались на скалах с северной и западной стороны от замка; когда-то их возвели здесь для того, чтобы было удобнее командовать войском и защищать свой край. С вершины можно было увидеть мои деревни, фруктовые сады, виноградники, реку, которая вилась внизу зеленой змеей, каменный мост через нее. А обувь я пачкала, то и дело бегая на конюшню посмотреть на лошадей. Дамьен пыталась меня поймать, но ей не хватало проворства, приходилось звать на помощь конюхов. Сперва я беспечно пряталась от них за корытами с водой, из которых пили животные, и дверцами, ведущими в стойла, но в конце концов сдавалась и уходила за няней в замок.

— На все воля Господня... — прошептала Дамьен теперь. Тревоги обо мне не оставляли ее ни на секунду. Няня выдавила себе на руки капельку масла, пригладила мне волосы и затянула их так туго, что у меня глаза на лоб полезли. — Ничего не трогай, — велела она, надевая мне на голову обруч, украшенный жемчугом, и протянула зеркальце.

Увидев себя, я покатила со смеху: глаза вытаращены, серебристый наряд сковывает движения, будто смирительная рубашка.

— Неужели ты ничего не понимаешь? — расстроилась няня.

А я и правда не понимала всей серьезности происходящего, но решила подыграть Дамьен, чтобы хоть немного ее порадовать. Состроив серьезную мину, я чинно отправилась на встречу с опекуном. На лестнице няня придерживала мне подол, чтобы я не запнулась.

Лабиринт гулких коридоров привел нас в галерею, через которую мы попали в зал — огромный, как церковный неф, с высокими, точно сами небеса, потолками. Он тоже когда-то принадлежал семье моей матери, а потом достался мне, но я редко сюда приходила. Зал был слишком большим для такой крохи, как я.

Я вообще мало знала о помещениях для приемов, расположенных в замке, — не больше, чем о фермах и виноградниках, потому что все это принадлежало мне только формально. У меня было три служанки: Франсуаза, Клод и Жанна, и они во всем меня слушались, но при этом подчинялись еще и нашей экономке, а та держала ответ перед распорядителем моего опекуна. Про работников, которые трудились на моих полях, я и вовсе ничего не знала. Управляющий собирал налог с арендаторов и передавал его опекуну. Он же получал выручку с продажи винограда и яблок из моих садов, грецких орехов, которые собирали по осени. Таковы были его обязанности. Когда я вошла в зал, опекун одарил меня хозяйским взглядом, точно я была его гостьей.

Ему к роскошным, величественным залам было не привыкать, а я с любопытством разглядывала сводчатые окна и гобелены, на которых были изображены ари-

стократы, выбравшиеся на охоту, и их челядь. Как раз за спиной у опекуна висел ковер с подобным сюжетом: на нем были вытканы два оленя — один застыл в прыжке, а второй лежал на земле в окружении охотников.

— Иди сюда, малютка, — позвал мой опекун.

Я сделала реверанс и заметила, что у Дамьен дрожат руки. Никогда еще я такого за ней не замечала.

Опекун был кузеном моего отца. Его звали Жан-Франсуа де ля Рок де Роберваль, и он пользовался всеобщим почитанием, потому что был другом детства самого короля. Правда, моего отца все равно уважали куда больше, во всяком случае, так рассказывала Дамьен. А в маминых жилах и вовсе текла королевская кровь. Но у опекуна все равно имелось веское преимущество перед ними: он-то остался жив.

Роберваль, знаменитый путешественник, бесстрашно бороздил моря и защищал Францию от английских кораблей. За это его любили на родине и боялись за ее пределы. Слава его была повсеместна. Бледный и худой, он предпочитал камзолы черного цвета и смотрел на мир ясными, пронзительными, небесно-голубыми глазами. А еще носил короткую, уже побеленную сединой бородку, которая придавала ему сходство с лисом. Опекун восседал за столом темного дерева, опустив ладонь на какую-то толстую книгу. Рядом стоял графин с вином. Еще я разглядела на столе сверкающий, как бриллиант, кубок, а рядом — самое интересное! — маленький переносной шкафчик-кабинетec с ящичками и дверцами.

— Это моя кузина? — уточнил опекун у секретаря, сидевшего за соседним столом, поменьше. Родич не знал, как я выгляжу, потому что до этого дня ни разу не приглашал меня на встречу.

— Так и есть, — подтвердил секретарь.

Опекун смерил меня бесстрастным взглядом — так порой смотрят на котенка, раздумывая, оставить его или утопить.

— Сколько тебе лет?

— Девять, мой господин.

— Подходящий возраст, — заметил опекун.

«Для чего подходящий?» — подумала я, но, вспомнив наставления няни, прикусила язык.

— Как-то она маловата для своих лет, — продолжал опекун, обращаясь к своему секретарю. В этом он был неправ, но никто не стал с ним спорить. — Надо бы подрасти. Подойди ближе, — потребовал он. Я повиновалась. Миниатюрный кабинетец, который так привлек мое внимание, теперь оказался совсем близко — до него было рукой подать. Вот бы и мне такой, думала я. Ящички тут как будто бы под мои руки делали. Ах, если бы опекун только подарил мне эту игрушку! Он ведь у нас тут всем заправляет. Шкафчик был сделан в виде крошечного дворца с фронтонами и колоннами; ящички украшали узоры из слоновой кости. Что же он там хранит? Драгоценности? Документы? Святые мощи?

Он заметил, как я пялюсь на его вещицу, но ругать меня не стал.

— Хочешь посмотреть поближе?

Я отважно кивнула. Опекун с улыбкой поманил меня и привлек к себе, чтобы показать позолоченные фиалы и канелюры, мозаику на дверцах, а потом одним движением пальца открыл нижний ящичек.

От неожиданности я чуть было не запрыгнула ему на колени.

— Что там? — спросил опекун, очень довольный собой.

— Золото, — прошептала я, не сводя глаз с ящичка, доверху набитого экию. Я в жизни не видывала столько монет — и таких дивных шкафчиков тоже.

— Это на одежду и уроки, — сообщил опекун и протянул Дамьен горсть экию.

Няня тихо поблагодарила его и попятилась, а опекун тем временем продолжил беседу со мной:

— На чем ты играешь?

— Ни на чем, мой господин.

— Что, ни на одном инструменте не умеешь?

— Не умею.

— А писать умеешь? — Я замешкалась с ответом, и тогда он уточнил: — Имя свое написать можешь? — Я кивнула, хотя письмо у меня выходило из рук вон плохо. — А читать можешь?

— Только знакомые слова, мой господин.

— Можешь прочесть только те слова, которые знаешь, — повторил он.

— Да, мой господин.

Опекун улыбнулся.

— Ну что ж, учись прилежно, чтобы не быть дурочкой.

А я вовсе и не дурочка, подумала я, особенно для своих лет. Я посмотрела на шкафчик, и мысли потекли совсем в другое русло. Раз я, по-вашему, такая кроха, думала я, так подарите мне этот крошечный кабинет. Я отнесу его к себе в комнату и буду с ним играть. Разложу по ящичкам все свои сокровища: кольцо с рубином, жемчуг, золотой кулон, маленькие ножнички. Таким было мое негласное желание, и на миг мне даже показалось, что оно вот-вот исполнится. Опекун снова смерил меня взглядом — благородным и щедрым, как мне показалось.

Я ждала.

А он продолжал разглядывать мое лицо.

И неожиданно бросил:

— Ступай.

В моем взгляде застыл немой вопрос, но опекун не стал ничего объяснять. Я сделала реверанс. Родич поднялся и заговорил о каких-то делах со своим секретарем.

Я нехотя поплелась за Дамьен по галерее и коридорам. Позже, на лестнице, я попыталась узнать, в чем же дело.

— А почему он...

— Тсс! — шикнула на меня Дамьен.

Она разрешила мне говорить только после того, как мы вернулись в роскошные покои из нескольких комнат, в которых когда-то жила моя матушка. Мне особенно нравились гостиная, столовая, моя спальня с высокой кроватью, задернутой зеленым балдахином, огромный камин и резные стулья, стоящие рядом, но, увы, тут не было никаких игрушек и милых безделиц и уж тем более чудесного шкафчика с потайной пружинкой.

— Как бы мне хотелось... — начала я.

— Неважно, чего тебе хочется, — оборвала меня Дамьен.

— Ну почему ты никогда не встаешь на мою сторону? — возмутилась я.

— Неправда, я всегда за тебя горой, — возразила она.

— Как ты не понимаешь...

— Ишь, надулась, — сказала она. — Прекрати, это некрасиво.

— Да я не то что надуться, я руками пошевелить не могу! — пожаловалась я. Дамьен расшнуровала мой се-

ребристый корсет, распустила мне волосы, сняла ободок, украшенный жемчугом.

— Опасность миновала, — сообщила она. — Опекун с секретарем уедут на рассвете. Конюшие пока готовят лошадей. Говорят, он скоро уйдет в плавание. А значит, не разлучит нас.

— Да зачем ему нас разлучать? — спросила я.

— Таким властным людям, как он, не всегда нужен повод, — вздохнула Дамьен.

Она говорила с горечью, но я не приняла ее слова близко к сердцу. Я рассуждала так: раз замок и все, что в нем, в том числе и няня, принадлежат мне, разве сможет опекун мне перечить, пусть я еще и мала?

Я сердилась на него и была даже рада, что он уплывает, Дамьен же выдохнула с нескрываемым облегчением, словно нас миновала страшная кара.

— Слава Господу, мы останемся вместе.

— У тебя руки дрожали, — насмешливо напомнила я.

— Тсс.

— Ты испугалась!

Дамьен замолчала и поджала губы с обиженным видом, но мне было все равно. Я в одной льняной сорочке побежала к кровати и плюхнулась на нее лицом вниз.

— Да-да! Ужасно испугалась!

— Девчонок, которые шумят и прыгают, мы не потерпим! — с притворной строгостью отчитала меня Дамьен, а сама в это время с улыбкой перебирала золотые монеты. Мы разложили их на покрывале. Они нарядно сверкали — такие красивые, и на каждой выбит крест.

— Разве можно тратить такую красоту? — спросила я няню, и та ответила:

— Еще как можно!

Мы закажем новые перчатки и платья, пообещала Дамьен, а еще купим мне собственную птичку в клетке. Потом приобретем резной шкаф для моего приданого и верджинел¹, на котором я буду учиться играть. Мне наймут преподавателей музыки и чистописания. С ними-то я быстро пойму, как жить достойно и правильно — и как читать незнакомые слова.

---

¹ Старинный музыкальный струнно-клавишный инструмент, разновидность клавесина. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Глава 2

Прилежной ученицы из меня не вышло, как бы ни суетилась Дамьен и сколько бы ни качал головой мой учитель музыки. Даже верджинел — и тот, казалось, с укоризной поблескивал деревянным корпусом, на котором было написано: «MUSICA DULCE LABORUM LEVAMEN». Может, музыка и впрямь сладостная награда за труд, вот только заниматься мне совершенно не хотелось. Почерк по-прежнему был небрежным, стежки — кривыми. В двенадцать я наконец взялась за ум, но так и осталась посредственностью. Это я знала точно, а все потому, что к нам переехала одна девочка. Ее звали Клэр, и она отличалась чрезвычайным умом. Ее матушка учила нас обеих.

Клэр была на год старше меня, а потому и писала быстрее и красивее (хотя Дамьен уверяла, что дело в ее прилежании). Еще она была удивительно красива, а учитель по музыке часто ее хвалил (Дамьен тоже подмечала, что она и талантлива, и хороша собой). Окажись Клэр светлокожей блондинкой, я бы, наверное, ее возненавидела, но глаза и волосы у нее были темные, а щеки — румяные. У нее были ловкие, сильные, но совсем не изящные руки. Вид отличался здоровьем и свежестью, никакой тебе аристократической мертвенной бледности. Когда она только приехала, я обрадовалась: наконец-то мне будет с кем поиграть! Вот только пышущая здоровьем и силой внешность Клэр оказалась обманчивой.

Я позвала ее на конюшню.

Новая подруга покачала головой.

Тогда я предложила взобраться на самый верх башни и поглядеть на поля, деревья и зеленую реку далеко внизу.

— Нет-нет, — благопристойно отказалась она таким тоном, точно я сказала что-то ужасное.

А когда я сообщила ей, что нашла крысиный скелет, Клэр передернуло от ужаса. Она никогда не притрагивалась к животным, костям и чужой обнаженной коже. Мои забавы ее не интересовали — она предпочитала часами просиживать за инструментом или устраивалась на стуле у камина с шитьем. Пока она рукодельничала, я часто рассказывала ей истории о темницах и ржавых кандалах. Клэр выслушивала их со спокойствием.

Я восхищалась ее умением читать беззвучно. Завидовала проворству рук, любовалась ее кротостью. «Да ладно, пустяки», — говорила она, когда хвалили ее вышивку или игру на инструменте, а я восхищалась такой скромностью. Я завидовала ей во всем, но обиднее всего мне было оттого, что у меня нет такой славной мамы. Высокую и статную Жаклин Д'Артуа можно было принять за монахиню. Лицо у нее было вытянутое и печальное, но при этом едва заметно светилось, словно преobraженное знаниями. Она знала латынь, испанский и итальянский, писала красиво и без ошибок, а когда читала вслух, завораживала слушателей певучим низким голосом.

Несмотря на всю свою образованность, моя учительница сумела избежать гордыни. Даже улыбалась она всегда сдержанно, и в эти мгновения ее длинный подбородок уменьшался на глазах. Опрятная и добрая, она учила нас с Клэр вместе, но никогда не ставила свою дочь мне в пример, хотя та справлялась с заданиями го-

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

АЛЛЕГРА ГУДМАН

ИЗОЛА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахгий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.12.2025.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 26,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-TER-38262-01-R